

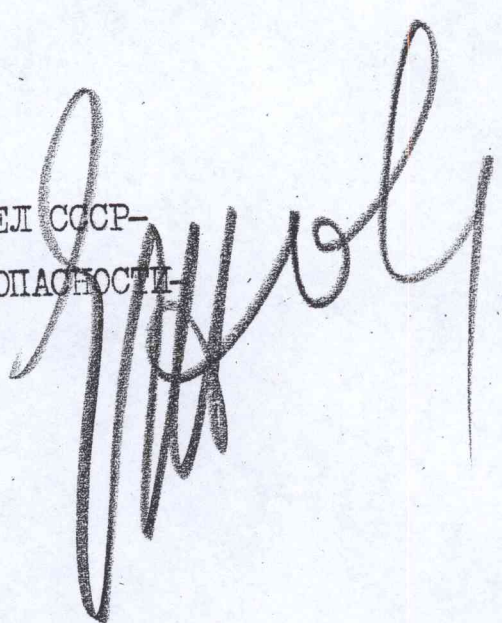
СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/-

тов. С Т А Л И Н У.

Направляю протокол допроса бывшего дирек-
тора треста "Дальстрой" - БЕРЗИНА Эдуарда Петровича
от 25-марта 1938 года.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТР. ДЕЛ СССР-
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ-

(ЕЖОВ)

" 3 " апреля 1938 года.

А-102545

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого БЕРЗИНА Эдуарда Петровича

1893 года рождения, урож. бывш. Лифляндской губернии, Латвия, латыш, по национальности, гр. СССР, из крестьян, до революции учился в художественном училище в Берлине, окончил в 1918 году, женат, бывший член ВКП/б/ с 1918 года, до ареста - директор треста "Дальстрой". Имел звание дивинтенданта.

от 25 марта 1938 года.

Вопрос: Вы арестованы, как предатель и изменник советской власти, но Вы, вероятно, ждали своего ареста и потому приготовились к заpirationству и станете отрицать свою вину.

Ответ: Арест не был для меня неожиданным, в этом Вы правы, но все же я ни в чем не виноват перед советской властью и во всяком случае я не изменник и не предатель.

Вопрос: Почему же Вы ожидали своего ареста?

Ответ: За последнее время я заметил резко изменившееся ко мне отношение нового руководства НКВД. В частности меня совершенно отстранили от руководства чекистской работой. Кроме того, до меня дошли сведения, что арестован РУДЗУТАК, с которым у меня были близкие отношения.

Вопрос: И Вы думали, что РУДЗУТАК дал на Вас показания, как своего соучастника по предательской работе?

Ответ: Нет, я этого не думал и не думаю, так как, во-первых не знаю в чем обвиняется РУДЗУТАК и, во-вторых, он не мог дать на меня таких показаний, так как я не занимался ни предательской ни изменнической деятельностью.

Вопрос: Не забегайте вперед БЕРЗИН, скоро Вы сами будете рассказывать о своей антисоветской работе. А теперь расскажите, когда и как Вы очутились в Советском Союзе?

Ответ: Я был в составе латышской дивизии и с последней очутился на территории Советского Союза.

Вопрос: Каковы были тогда Ваши политические убеждения?

Ответ: Я не примыкал ни к каким партиям и был националистически настроен. Под влиянием этих настроений я и пошел воевать во время империалистической войны в составе латышских стрелков, так как царское правительство обещало дать Латвии самостоятельность, если мы будем доблестно сражаться против немцев.

Вопрос: А каковы были Ваши настроения после социалистической революции?

Ответ: Я мало тогда понимал и разбирался в политике. Я продолжал оставаться в составе латышских стрелков и был также националистически настроен. Насколько я вспоминаю, под влиянием событий того времени у меня был даже некоторый под"ем националистических настроений.

Вопрос: Когда Вы вступили в коммунистическую партию?

Ответ: В 1918 году.

Вопрос: Почему же Вы вступили в компартию, если у Вас были националистические настроения, ведь Ваши взгляды были несовместимы с программой коммунистической партии.

Ответ: Я мало разбирался в вопросах программы. Вступил я в партию под влиянием ПЕТЕРСА, который дал мне весьма серьезное поручение и приобщил меня к работе ЧК. По его поручению я разрабатывал ЛОККАРТА. В процессе этой работы я сблизился с ПЕТЕ-

СОМ и под его влиянием вступил в партию.

Вопрос: А Вы тогда честно работали для советской власти?

Ответ: Я выполнял все задания, которые мне давал ПЕТЕРС.

Вопрос: Вы уклоняетесь от прямого ответа. Поставим вопрос иначе: а ПЕТЕРС тогда честно работал для советской власти? Имел ли он с Вами разговоры, по которым Вы могли бы судить о нем как о человеке, действующем не в интересах советской власти.

Ответ: Не помню.

Вопрос: Вы прекрасно помните и знаете, ПЕТЕРС дал откровенные показания о Вашей совместной с ним предательской работе, которую Вы проводили уже в то время. Перестанете ли Вы продолжать записываться, или Вы ждете, что мы Вас будем уличать очными ставками?

Ответ: Раз ПЕТЕРС арестован и дал откровенные показания, мне тоже больше ничего не остается делать. Я также буду откровенен и дам показания о своей антисоветской работе.

Вопрос: Когда Вы стали на путь активной антисоветской деятельности?

Ответ: Моя антисоветская деятельность началась еще с 1918г. когда я служил в латышской дивизии в качестве командира артиллерийского дивизиона, комиссар дивизии ПЕТЕРСОН поручил мне связаться с ответственным работником ВЧК ПЕТЕРСОМ Яковом Христафоровичем, сказав мне, что я должен буду получить от ПЕТЕРСА ряд ответственных поручений секретного характера, имеющих крупное государственное значение.

Я явился к ПЕТЕРСУ и он мне рассказал, что ряд крупных дипломатических представителей иностранных держав РЕЙЛИ, ЛОККАРТ и др. организуют заговор против советской власти и что в этом заговоре они ищут связи среди латышских стрелков с тем, чтобы

склонить их на свою сторону для организации вооруженного выступления против советской власти. ПЕТЕРС поручил мне связаться с ЛОККАРТОМ и РЕЙЛИ через своего человека ШМИДТХЕН, который должен меня познакомить с РЕЙЛИ и ЛОККАРТОМ. Я был проинструктирован в том направлении, чтобы принимать от РЕЙЛИ и ЛОККАРТА всевозможные задания по подготовке намечавшегося восстания против советской власти. Через несколько дней ШМИДТХЕН, познакомив меня с РЕЙЛИ, представив ему меня как командира РККА, разочарованного в советской власти и латышского националиста. РЕЙЛИ дал мне задание повести широкую вербовочную работу среди командного состава в латышских стрелковых частях, которые согласились бы участвовать в заговоре против советской власти.

РЕЙЛИ мне предлагал крупные денежные суммы, но я, исходя из установок ПЕТЕРСА, денег не брал, а требовал, чтобы РЕЙЛИ и ЛОККАРТ выдали бы мне документ, подтверждающий обязательство Англии и Франции освободить Латвию от ига немцев и русских. В процессе встреч с ПЕТЕРСОМ, мы с ним сблизились и вели откровенные разговоры, из которых мы установили единство взглядов на возможность национального возрождения Латвии.

ПЕТЕРС говорил мне, что советская Россия переживает в настоящий период критическое положение. Он убеждал меня, что советской власти долго не просуществовать, что Архангельск уже занят англичанами, Латвия - немцами, белые подступают к Курску, Сибирь захвачена чехами и что рассчитывать на то, что советская власть удержится, не приходится. ПЕТЕРС говорил, что латыши гибнут на фронте чужой страны, а когда самой Латвии понадобятся вооруженные силы, то их не будет.

Видя, что я полностью поддерживаю его в этих настроениях, ПЕТЕРС как-то сказал мне, что не плохо было бы на самом деле связаться с англичанами по настоящему, помочь им в осуществлении

их заговора и что тогда можно было бы рассчитывать на их помощь в деле образования самостоятельной Латвии, так как в настоящий момент это единственная реальная возможность. Я спросил ПЕТЕРСА как же я должен впредь повести себя перед англичанами. Ведь они не знают, что я, имея связи с ними, действую по заданию ВЧК. ПЕТЕРС мне ответил, что мне нужно раскрыться перед англичанами, рассказать им о том, что все поручения, которые я получал от них ранее, я на самом деле не выполнял и вводил их в заблуждение и что должен предложить им свои услуги работать по настоящему.

Вопрос: Вы приняли такое поручение предателя ПЕТЕРСА?

Ответ: Да, принял.

Вопрос: И рассказали РЕЙЛИ план ВЧК по раскрытию заговора?

Ответ: Да, рассказал.

Вопрос: Что Вам на это сказал РЕЙЛИ?

Ответ: РЕЙЛИ сначала был несколько смущен моими откровениями, а затем сразу переменив тон, сказал, что он обо мне поговорит с ЛОККАРТОМ.

Вопрос: Что было дальше?

Ответ: Потом РЕЙЛИ устроил мне свидание с ЛОККАРТОМ на его квартире в Москве по Хлебниковскому переулку, № дома я сейчас не помню.

Вопрос: Кого Вы застали на квартире ЛОККАРТА?

Ответ: На квартире ЛОККАРТА, где он меня принял, кроме него и РЕЙЛИ я застал ГРЕННЕРА и ЛАВЕРНА. Там было еще двое лиц, фамилии которых я не знал. ЛОККАРТУ я еще раз повторил то же, что говорил РЕЙЛИ. ЛОККАРТ был очень доволен, подтвердив, что Англия в случае, если свержение советской власти удастся, предоставит Латвии самостоятельность. Мне же лично он обещал

пост военного министра Латвии, но обязал меня принять на себя лично командование латышскими восставшими частями и лично участвовать в аресте и уничтожении членов советского правительства. Я дал на это свое согласие.

Вопрос: Как развернулась Ваша работа в дальнейшем?

Ответ: РЕЙЛИ предложил мне направиться в Ленинград, куда и он сам собирался выехать и под видом инспектора латышской дивизии проверить политико-моральное состояние 6-го латышского полка, расквартированного в Ленинграде и проверить в какой мере он поддерживает восстание. Я выехал в Ленинград и там информировал РЕЙЛИ о состоянии полка, не заезжая в этот полк, я мог это сделать, так как полк этот был мне хорошо известен.

Вопрос: Только ли этим поручением ограничились шпионские поручения РЕЙЛИ в Петрограде?

Ответ: Нет, кроме этого, РЕЙЛИ предложил мне узнать какое количество угля находится в Петроградском порту, а также собрать сведения об остальных воинских частях, находящихся в Петрограде.

Вопрос: Вам удалось выполнить эти поручения?

Ответ: Мне удалось собрать сведения о наличии угольных запасов в Петроградском порту, а второе задание — собрать сведения об остальных воинских частях Петрограда мне не удалось выполнить, так как, когда я пришел в гостиницу, меня вызвал к себе УРИЦКИЙ и предложил возвратиться в Москву.

Вопрос: ПЕТЕРС был в курсе Вашей поездки в Петрограде и тех шпионских поручений, которые Вы приняли от РЕЙЛИ в Петрограде.

Ответ: Да, перед поездкой в Петроград я специально приезжал к ПЕТЕРСУ и информировал его о том, что мне удалось связаться с англичанами по настоящему и что РЕЙЛИ предлагает мне поехать в Ленинград для выполнения ряда шпионских поручений. ПЕТЕРС отнесся к моей работе одобрительно и подбадривал, заявляя, что все это де-

ляется в интересах латвийского народа.

Когда же я приехал из Петрограда и явился к ПЕТЕРСУ, он мне с раздражением заявил, что заговор ликвидируется, что лично ДЗЕРЖИНСКИЙ будет руководить ликвидацией заговора. Но говоря о "провале", как это ПЕТЕРС называл заговор, он говорил, что еще не все потеряно и что латышские части еще сыграют свою историческую роль в деле свержения советской власти. Поэтому не следует терять связей с английской разведкой, а продолжать ее, но уже через него, ПЕТЕРСА. А он имеет пути к передаче этих материалов куда следует. В соответствии с этими заданиями ПЕТЕРСА я систематически собирал и передавал ему сведения о политикоморальном состоянии частей латышской дивизии, которыми, как говорил ПЕТЕРС, особенно интересовалась английская разведка.

Так моя связь продолжалась с ним до середины декабря 1918 года, после чего я ушел со своей частью на латвийский фронт.

Вопрос: После этого Ваша связь с ПЕТЕРСОМ была прервана?

Ответ: Когда я уезжал на фронт, ПЕТЕРС обещал прислать мне связника с письмом, но этого не сделал, и моя шпионская связь с ПЕТЕРСОМ возобновилась в 1921 году. В то время происходила эвакуация латышских стрелков в Латвию. ПЕТЕРС при встрече со мной крайне озлобленно и враждебно отзываясь о руководстве партии и советского правительства, указывал на то, что латышских стрелков использовали здесь, как пушечное мясо, а теперь отправляют обратно в Латвию в товарных вагонах, не снабжают их хлебом и вообще обижают. Говоря об этом, ПЕТЕРС призывал меня активизировать свою антисоветскую работу. Тогда же при помощи ПЕТЕРСА я перешел на работу в ВЧК, где работал в Спецотделе с 1921 по 1926 год включительно.

Вопрос: Какую предательскую работу Вы првели за этот период?

Ответ: ПЕТЕРС тогда же, в 1921 году, поручил мне ознакомиться с людьми в Спецотделе, начать сбор шпионских материалов о состоянии концентрационных лагерей, численности их охраны, количестве заключенных и т.д. Я собирал эти шпионские материалы, используя сотрудников Спецотдела: БУДНИКОВА, ФИЛИПОВА, ПОГТЕВА, ЭЙХМАНСА. Я был не в плохих отношениях с БОКИЕМ и в разговорах с ним мне удавалось узнавать все, что требовал от меня ПЕТЕРС.

Вопрос: Вы кого-нибудь из этих людей завербовали?

Ответ: Нет, я их не вербовал. Я просто близко сошелся с ними и они от меня ничего не скрывали, не предполагая, что я использую их доверие для шпионских целей.

Вопрос: Вы говорите неправду. Помимо того, что Вы установили близкую связь с этими сотрудниками Спецотдела, Вы также провели там вербовку ряда лиц.

Ответ: Я говорю правду. Лично я в Спецотделе никого не вербовал, но мне известно, что ПЕТЕРСОМ в Спецотделе был завербован ГОПИУС и ГУСЕВ.

Вопрос: Откуда это Вам известно?

Ответ: Я имел поручение ПЕТЕРСА свести его с ГОПИУСОМ, мне пришлось употребить для этого более трех месяцев. Наконец, мне удалось войти в близкие отношения с ГОПИУСОМ, и я лично свел его с ПЕТЕРСОМ. ПЕТЕРС мне потом подтвердил, что он завербовал ГОПИУСА.

Вопрос: А о ГУСЕВЕ что Вам известно?

Ответ: По поручению ПЕТЕРСА я пришел к ГУСЕВУ и передал ему, что явился к нему по поручению ПЕТЕРСА и прошу передать мне бумаги, о которых он знает. ГУСЕВ растерялся и переспросил

меня от кого я явился и что мне нужно. Я ему ответил, что явился от ПЕТЕРСА и прошу передать мне бумаги, которые он должен был приготовить для ПЕТЕРСА. Наконец, ГУСЕВ передал мне пакет, который я вручил ПЕТЕРСУ.

В следующий раз, когда я в условленный час встретился с ПЕТЕРСОМ на Лубянке, ко мне подошел ГУСЕВ. ГУСЕВ сказал: "знаешь, в прошлый раз, когда ты ко мне явился, я испугался и думал о тебе совсем другое. ПЕТЕРС подтвердил мне, что ты свой человек, и тебя пугаться нечего".

Вопрос: Вы все же не отвечаете по существу заданного ^МВопроса. Ваша антисоветская деятельность во время работы в Спецотделе не ограничилась лишь тем, что Вы собирали для ПЕТЕРСА шпионские материалы. Нам известно из показаний ваших соучастников, что Вы проводили в Спецотделе вербовку ряда лиц и вели активную антисоветскую работу.

Ответ: Я действительно создал в Спецотделе антисоветскую группу, которая под моим руководством развернула активную антисоветскую работу.

Вопрос: Расскажите об этом?

Ответ: Когда я работал в Спецотделе, мне удалось постепенно стянуть туда ряд известных мне латышских националистов, устроить их на работу в Спецотделе и сколотить из них крепкую группу. Среди них мне легко удалось завербовать в антисоветскую националистическую организацию преданных мне людей. Так, мною были завербованы за время работы в Спецотделе: КЛЕМШЕР, ЦИНИС, МИРАМ, НЕЙМАН, ОЗОЛИН, АПИН. С ними я был близко связан еще по совместной работе в старой и Красной армии, где все эти лица занимали ответственные посты. Я знал их антисоветские настр^оения и мне не представлялось затруднительным завербовать их, убедив их в том, что антисоветская деятельность, которую мы проводим, имеет целью создать базу для будущей самостоятельной

Латвии.

Вопрос: Какая практическая антисоветская деятельность проводилась в Спецотделе, созданной Вами антисоветской националистической латышской группой?

Ответ: Выше я уже показал, что все завербованные латыши были вообще резко антисоветски настроены и это настроение особенно подогревалось тем, что они были обижены, что по окончании гражданской войны их не использовали на высоких государственных постах. Эта антисоветская группа в Спецотделе мною была создана по прямому заданию ПЕТЕРСА и вся деятельность, осуществляемая нашей антисоветской националистической латышской группой проводилась также по его указанию. ПЕТЕРС поручил мне развернуть агитационную работу среди бывших латышских стрелков и одновременно вести шпионскую работу.

Участники нашей группы действительно развернули большую антисоветскую агитацию среди латышских стрелков и сеяли злобу против советского правительства. Участники нашей группы связались с рядом бывших командиров латышских частей и собирали шпионские материалы о политико-моральном состоянии бывших латышских стрелков и частей РККА. КЛЕШЕР, например, имел связи в школе "Выстрел", через командира, латыша, СТУЦКА. АШИН проводил большую работу в "Прометее", в латышском клубе и латышском рабфаке. Все собираемые мною материалы я передавал ПЕТЕРСУ, а он в свою очередь передавал их английской разведке.

Вопрос: А с БОКИЕМ Вы были связаны по антисоветской деятельности?

Ответ: С БОКИЕМ я связался по антисоветской работе несколько позднее, а именно, в 1924 году. За период трехлетней совместной работы с 1921 по 1924 год мы с БОКИЕМ близко сошлись и когда я бывал у него, он, не стесняясь меня, выска-

зывал свои антисоветские взгляды. БОКИЙ посвятил меня в то, что ранее он примыкал к "рабочей оппозиции", что политического курса ЦК ВКП/б/ он никогда не разделял, считая его неправильным и в одном из разговоров, он прямо предложил мне стать его единомышленником в борьбе против партии и советской власти. Я согласился. В последующем БОКИЙ высказывал свои симпатии ТРОЦКОМУ и борьбе троцкистов против ВКП/б/.

Вопрос: Получили ли Вы какие-нибудь поручения от БОКΙΑ?

Ответ: Да, получил. По поручению БОКΙΑ я на протяжении 1925-27г.г. передавал крупные суммы в иностранной валюте бывшему начальнику Разведупра БЕРЗИНУ Павлу и по его указаниям ряду лиц для финансирования антисоветской троцкистской деятельности.

Вопрос: Какая сумма была передана для финансирования троцкистов?

Ответ: Всего мною была передана сумма порядка 100.000 рублей в иностранной валюте.

Вопрос: Откуда Вы знаете, что деньги шли на финансирование троцкистской организации?

Ответ: Мне об этом говорил БОКИЙ и Павел БЕРЗИН.

Вопрос: Кому кроме БЕРЗИНА Вы передавали по поручению БОКΙΑ деньги для троцкистской работы?

Ответ: Помню, что ко мне приходил один из людей БЕРЗИНА под кличкой "Гришка", фамилию я сейчас не могу вспомнить. Помню, что он был заика.

Вопрос: При обыске у Вас обнаружено письмо, в котором Вы предупреждаетесь о том, что сотрудники Спецотдела КАЦ и ВЕЙСБЕРГ намерены разоблачить Вашу антисоветскую деятельность. Кто такие КАЦ и ВЕЙСБЕРГ?

Ответ: КАЦ и ВЕЙСБЕРГ были сотрудниками Спецотдела, оба они были нашей антисоветской организацией приговорены к смерти.

Вопрос: Т.е. как приговорены к смерти?

Ответ: Мы их убили.

Вопрос: Как и за что Вы убили КАЦА и ВЕЙСБЕРГА и кто именно их убил?

Ответ: Дело это было в 1924 году. КАЦ и ВЕЙСБЕРГ не являлись участниками нашей организации и вели себя так, что у меня возникло подозрение, что они напали на след нашей антисоветской деятельности. Боясь быть разоблаченными, я договорился с БОКИЕМ о том, что КАЦА и ВЕЙСБЕРГА нужно убрать. БОКИЙ сказал, что расстрел КАЦА он проведет через Коллегию ОГПУ, подобрав на него материал в том, что он, КАЦ, разглашает государственные тайны. Постарается он это провести якобы, когда не будет ДЗЕРЖИНСКОГО, который эти вопросы тщательно проверяет, что же касается ВЕЙСБЕРГА, БОКИЙ поручил мне ликвидировать его самому. Я подготовил участника нашей организации МИРАМ убить ВЕЙСБЕРГА. МИРАМ согласился, и спустя несколько дней, он, прогуливаясь с ВЕЙСБЕРГОМ в районе Девичьего поля, застрелил его. Так нам удалось избавиться от КАЦА и ВЕЙСБЕРГА. Когда я сообщил БОКИЮ о том, что ВЕЙСБЕРГ ликвидирован, БОКИЙ сказал: "ну, теперь будет спокойнее жить".

Вопрос: С кем кроме ПЕТЕРСА Вы были связаны по своей шпионской деятельности?

Ответ: Несколько позже, в 1926 году, я был завербован РУДЗУТАКОМ Яном Эрнестовичем, которому я передавал шпионские материалы. Как он мне говорил, для германской разведки.

Вопрос: Изложите подробно обстоятельства, при которых Вы были завербованы РУДЗУТАКОМ?

Ответ: В 1926 году я был назначен директором Вишхимза.

БОКИЙ познакомил меня с РУДЗУТАКОМ. Встреча наша произошла в служебном кабинете РУДЗУТАКА в НКПС.

При нашем знакомстве БОКИЙ сказал РУДЗУТАКУ, что я назначаюсь директором Вишхимза и что РУДЗУТАК "может на меня вполне положиться, как на своего человека". Из разговоров, которые вел БОКИЙ с РУДЗУТАКОМ, я понял, что РУДЗУТАК еще ранее был информирован БОКИЕМ о моей антисоветской работе. Только этим обстоятельством я объясняю то, что через очень непродолжительное время мне удалось с РУДЗУТАКОМ установить близкие дружественные отношения, и я по его приглашениям стал часто, запросто бывать у него в доме и на даче.

При встречах со мной РУДЗУТАК, совершенно не стесняясь, в циничной и оскорбительной форме отзывался о руководителях ВКП/б/ и советского правительства. РУДЗУТАК, также как и я, убежденный латышский националист и на этой почве мы легко и быстро сошлись. Тогда же в 1926 году РУДЗУТАК посвятил меня в то, что он возглавляет антисоветскую латышскую националистическую организацию и назвал мне в качестве руководящих ее участников: ДАНИШЕВСКОГО, ЗЕЙБОТА, КАКТЫНЬ, ЛЕНЦМАНА, ПЕТЕРСА, БЕРЗИНА, РЕЙНГОЛЬДА, БЕРЗИНА Пауля, БАУМАНА, ГЕРМАНА, ВАЦЕТИСА, КРУМИНА (работал в "Правде") и некоторых других, фамилии которых я постараюсь вспомнить и сообщить дополнительно, РУДЗУТАК сказал, что латышская организация, возглавляемая им, ведет большую работу по объединению латышей и вербовке их в антисоветскую организацию. Для этого же используется "Прометей" и другие латышские учреждения.

РУДЗУТАК говорил, что через "Прометей" в латышские колонии и колхозы направляются специальные бригады, которые проводят на местах вербовку латышских граждан в антисоветскую организацию и что среди латышского населения в колхозах проводится повстанческая работа. Эту антисоветскую деятельность, как мне передавал РУДЗУТАК, возглавляет ДАНИШЕВСКИЙ. РУДЗУТАК мне так-

же сказал, что антисоветская работа в армии проводится ВАЦЕТИСОМ, ЭЙДЕМАНОМ и АЛЕСНИСОМ, имевшими большие связи в армии и в частности среди командиров и комиссаров из латышей.

Несколько позже, времени я точно не помню, это было, примерно, в 1933 году, РУДЗУТАК посвятил меня в то, что он связан по своей антисоветской националистической работе с правительственными кругами Латвии и Германии и что он видит в лице Германии ту державу, которая единственно способна свергнуть советскую власть и сделать Латвию самостоятельной "великой" Латвией".

РУДЗУТАК рассказал мне, что в бытность его за границей он установил связь с министром иностранных дел Латвии - МУНТЕРСОМ и что по договоренности с последним он ведет шпионскую деятельность в пользу Латвии и Германии. Тогда же РУДЗУТАК предложил мне принять активное участие в латышской организации и снабжать его шпионскими материалами. С тех пор я по заданиям РУДЗУТАКА вел шпионскую работу в пользу латвийской и германской разведок.

Вопрос: Вы в то время работали в Выпхимзаводе, кого Вы привлекли для шпионской работы и какие материалы Вами были переданы через РУДЗУТАКА латвийской и германской разведкам.

Ответ: На Выпхимзаводе я завербовал для шпионской работы ЗВОНАРЕВА, ранее работавшего в Разведупре. Это был разложившийся человек, которого я приблизил к себе. По моим заданиям ЗВОНАРЕВ собирал подробные материалы по всему району Выпхимза, а также и районам Соликамска. Материалы эти содержали данные о лесных богатствах, полезных ископаемых, политико-моральном состоянии местного населения и т.п. Весь этот собираемый ЗВОНАРЕВЫМ шпионский материал я передавал РУДЗУТАКУ.

В 1927 году мною был завербован для шпионской работы СОС,

НОВСКИЙ. СОСНОВСКИЙ был человеком БОКИЯ, посланный им ко мне на Выпхимз, и когда ЗВОНАРЕВ уехал из Вишеры в Москву, СОСНОВСКИЙ продолжал заниматься сбором аналогичных шпионских материалов.

Несколько позднее, в 1928 году, когда работа на Вишере, развернулась, я завербовал начальника Пожарной охраны ЧЕРНЫХ. Когда развернулось строительство Бумажного комбината, мною собирались материалы о технологическом процессе по бумажной фабрике целлюлозному заводу, по сернокислотному и хлорному производствам. Эти материалы я лично передавал РУДЗУТАКУ. РУДЗУТАК был удовлетворен получаемыми от меня шпионскими материалами и поручил мне приступить к созданию на Вишерском комбинате диверсионной группы с тем, чтобы путем диверсионных актов можно было бы в любую минуту вывести Вишерский комбинат из строя.

Вопрос: Вы создали эту группу?

Ответ: Да, я действительно создал на Выпхимзе диверсионную группу, в которую мною были завербованы инженер БАЙЕР и начальник пожарной охраны ЧЕРНЫХ, которым я поручил в свою очередь вербовать в диверсионную группу необходимых людей из мастеров, инженеров, механиков и электриков. ЧЕРНЫХ и БАЙЕР информировали меня о том, что ими ведется специальная обработка необходимых лиц, но фамилии завербованных я сейчас не могу вспомнить.

Вопрос: Вы получали задание на совершение диверсии?

Ответ: Нет. РУДЗУТАК указывал, чтобы наша диверсионная группа без его указаний не проводила диверсионные акты и что уничтожение Вишерского комбината им намечено в момент начала войны.

Работая на Вишерском комбинате, мне неоднократно приходилось бывать в Германии. В 1929 году, когда я собирался поехать в Германию, я имел встречу с БОКИЕМ. БОКИЙ мне сказал, что я по заданию РУДЗУТАКА должен встретиться в Берлине в Востраге с одним из крупных представителей германской военной разведки по фамилии МРАЭ

ЧИНСКИЙ.

По заданию БОКИЯ и РУДЗУТАКА, я должен был информировать МРАЧИНСКОГО по всем вопросам, которыми тот будет интересоваться. Приехав в Берлин и явившись в Востваг, я действительно встретился там с МРАЧИНСКИМ и сообщил ему, что имею поручение БОКИЯ информировать его по интересующим его вопросам. МРАЧИНСКИЙ потребовал сведения о политическом состоянии в СССР и о деятельности подпольных организаций. Я рассказал МРАЧИНСКОМУ о наличии в Союзе крупных подпольных организаций и в частности о деятельности нашей антисоветской националистической организации. На вопрос МРАЧИНСКОГО, а как дело обстоит в армии, я сообщил ему, что в армии у нас имеются свои такие люди, как ЭЙДЕМАН, АЛКСНИС, ВАЦЕТИС, БЕРЗИН Павел, которые во время войны с Германией перейдут на ее сторону. Говоря о деятельности троцкистов, я, руководствуясь инструкцией БОКИЯ, сообщил МРАЧИНСКОМУ, что троцкисты также окажут Германии нужную помощь во время войны. Затем я информировал МРАЧИНСКОГО о целях своего приезда в Германию и о предполагаемом заказе на машины для строящегося комбината Виш-химза.

МРАЧИНСКИЙ поручил мне выразить БОКИЮ удовлетворение подрывной работой, которую он ведет в пользу Германии, а что касается РУДЗУТАКА, то МРАЧИНСКИЙ сказал: Яну Эрнестовичу передай те мой привет.

Вопрос: Были ли Вы связаны с ПЕТЕРСОМ во время Вашей работы на Вишере?

Ответ: Да, работая на Вишере до октября 1931 года, я часто приезжал в Москву, где имел встречи с завербованными мною в Спецотделе КЛЕММЕРОМ и АПИНЫМ. От них я получал разные шпионские материалы из Спецотдела и эти сведения я передавал РУДЗУТАКУ.

Вопрос: Нам известно, что Ваша связь с завербованными Вами в Спецотделе лицами, о которых Вы показали выше, не ограничивалась лишь сбором шпионских материалов. Предлагаем откровенно рассказать, какие задания они получили от вас кроме сбора шпионских материалов.

Ответ: Должен признаться, что помимо сбора шпионских материалов мною были использованы КЛЕМТЕР, МИРАМ и ОЗОЛИН для подготовки совершения террористических актов против руководителей советского правительства.

Вопрос: Изложите подробно о готовящихся Вами террористических актах?

Ответ: В 1931 году я получил задание от РУДЗУТАКА организовать террористическую группу из участников нашей организации для убийства членов Политбюро: МОЛОТОВА, ВОРОШИЛОВА и КАГАНОВИЧА. РУДЗУТАК говорил, что этот вопрос согласован с центром правых и что мне нужно подготовить для этой цели стойких и смелых людей. Дав согласие РУДЗУТАКУ, мною была создана террористическая группа в составе: КЛЕПЕРА, МИРАМА и ОЗОЛИНА.

Как только мне удалось получить их согласие на совершение террористических актов, я информировал об этом РУДЗУТАКА. РУДЗУТАК заявил, что он намерен сам повидаться с этими людьми и предложил мне привести их к нему на дачу. Тогда же осенью, в 1931 году, я устроил встречу РУДЗУТАКУ с каждым из них. Он с ними беседовал с каждым в отдельности и сказал мне, что эти люди подходящие. По моим заданиям террористическая группа, созданная мною, выслеживала ВОРОШИЛОВА в районе Арбатской площади около здания Наркомата Обороны, установила слежку за машиной КАГАНОВИЧА по Ильинке из ЦК в Кремль и МОЛОТОВА, но совершить террористический акт нам не удалось.

РУДЗУТАК обвинил меня за это в бездеятельности и велел передать мне участников террористической группы МИРАМА, КЛЕПШЕРА и ОЗОЛИНА на непосредственную связь с ним. К этому времени я получил назначение на Колыму - директором "Дальстроя" и из Москвы уехал.

Вопрос: Какие задания Вами были получены от РУДЗУТАКА при поездке на Колыму?

Ответ: Перед моим отъездом на Колыму в 1931 году, я никаких специальных заданий от РУДЗУТАКА не получал, за исключением того, чтобы мне на месте присмотреться к конкретной обстановке. Когда я приехал в 1934 году из Колымы в командировку в Москву, то я, явившись на дачу к РУДЗУТАКУ, застал у него МАРЬЯСИНА, ЗАРИНА, ШУМЯЦКОГО, РОЗЕНГОЛЬЦА и КИЛЕВИЦА. При них мне не удалось с РУДЗУТАКОМ поговорить. В следующий раз, когда я снова приехал на дачу, то застал у него БАУМАНА, КАКТЕНЯ, КАРКИНА, ПЕТЕРСА, ГРИКМАНА и БИРУЛЯ-БИЛИНИЦКОГО. Когда после их ухода я остался с РУДЗУТАКОМ наедине, он стал расспрашивать о моей работе на Колыме. Я рассказывал РУДЗУТАКУ, сколько добыли золота и каковы перспективы на будущий год, информировал его о ходе дорожного строительства и об общем состоянии Колымы. РУДЗУТАК тогда информировал меня о работе проделанной нашей националистической латышской организацией, говорил что за это время установлена связь с БУХАРИНЫМ и РЫКОВЫМ. РУДЗУТАК посвятил меня в то, что наша организация в Москве развернула активную работу по подготовке восстания, что создан специальный военный центр в составе: ЭЙДЕМАНА, БЕРЗИНА Пауля, АЛКСНИСА, ВАЦЕТИСА, БЕРЗИНА, РЕЙНГОЛЬДА.

Тогда же я получил от РУДЗУТАКА задание создать на Колыме антисоветскую организацию, вовлекая в нее троцкистов, правых и вообще антисоветские элементы, как из работников треста, так и из ссыльных. Заняться диверсией и вредительством, поставив себе за-

дачу в первую очередь сорвать рост золотодобычи, сказав мне, что он лично, начиная с января 1935 года, всячески будет срывать финансирование Колымы.

Говоря конкретно о диверсиях, РУДЗУТАК указал, что деятельность организации нужно будет направить на поджог складов, уничтожение продовольственных запасов, взрыв мостов и электростанций. РУДЗУТАК предложил мне для шпионских целей представлять ему в полном объеме сведения о работах, проводимых на Колыме: Я, приняв задание РУДЗУТАКА, попросил его, чтобы он помог мне и содействовал бы откомандированию на Колыму АПИНА и ОЗОЛИНА. — Старых участников нашей организации. РУДЗУТАК согласился, и при его содействии АПИН и ОЗОЛИН были направлены в мое распоряжение.

Возвратившись на Колыму, я стал сколачивать антисоветскую организацию. На первых порах мною был завербован нач. лагерей ФИЛИПОВ. С ФИЛИПОВЫМ я был тесно связан по работе с самого начала моего приезда на Колыму с 1931 года. Я поручил ФИЛИПОВУ вербовать в организацию нужных людей, разъясняя, что наша организация правых преследует цель улучшить благосостояние страны и поручил вместе с тем ФИЛИПОВУ создать в лагерных подразделениях такую обстановку, чтобы сорвать производство. Конкретно ФИЛИПОВ по моим заданиям должен был заключенных по бытовым статьям ставить на общие, черные работы, а заключенных контрреволюционеров ставить на административно-хозяйственные должности и вообще на привилегированные работы и, наконец, сорвать культурно-воспитательную работу в лагерях. По моим установкам ФИЛИПОВЫМ были завербованы МАТЬЯШ, работавший в Северном горном управлении и ЕГОРОВ, руководивший работой Автотранспорта.

По приезде АПИНА и ОЗОЛИНА на Колыму, я назначил их: АПИНА редактором газеты "Советская Колыма", где он развернул антисоветскую работу через сеть корреспондентов и рабкоров и через них сс-

бирал шпионские материалы, а ОЗОЛИНА я назначил зам.руководителя Морского транспорта, с заданием развернуть вредительскую работу и привлечь для этой цели необходимых лиц.

Вопрос: Выше Вы показали, что АПИН привлек для антисоветской работы сеть корреспондентов и рабкоров. Кого именно он привлек для этой цели?

Ответ: АПИН информировал меня в 1936 году, что им привлечены для антисоветской работы ПРОНИНА, ВЕТРОВ, ГУСЕВ, МОЛОКАЩЕР и ЛЮБИМОВ и еще несколько человек из бывших заключенных, фамилии которых не могу вспомнить.

Получаемый через названных лиц шпионский материал АПИН с моего ведома обрабатывал и направлял в Москву БЕРНОВСКОМУ в "Прометей". Этот материал содержал данные о политико-моральном состоянии вольно-наемных работников на Колыме.

ОЗОЛИН развернул вредительскую работу на базисных складах, мастерских по ремонту катеров и электростанций. Для этой цели им летом 1936 года были завербованы: нач. базисных складов КОНСТАНТИНОВ и ряд заведующих отдельными складами. По мастерским ОЗОЛИН завербовал инженеров СЕДАША, ЗОРИНА и СИВОХИНА. По Магаданской электростанции он завербовал МИТЮШКИНА и зимой 1935 года СТАРЕВИЧА и ЛИМОНОВА.

Вопрос: Вернемся к вашей шпионской деятельности в пользу германской военной разведки. С кем из представителей германской разведки Вы встретились в Берлине, когда ехали в 1935 году в Голландию для покупки пароходов?

Ответ: Во время моей поездки в Берлин в 1935 году, по заданию БОКИЯ, имел встречу с представителем германской военной разведки в Востваге, неким РОТШТЕЙНОМ. Меня БОКИЙ предупредил, что на сей раз я МРАЧИНСКОГО там не застаю.

Вопрос: О чем Вы информировали РОТШТЕЙНА?

Ответ: Я передал РОТШТЕЙНУ подробную информацию о количестве добываемого золота на Колыме и размерах его содержания, передал дислокацию золотоносных площадей и сообщил какими способами у нас производится добыча. Я также передал через РОТШТЕЙНА германской военной разведке сведения о протяжении дорожной сети в направлении дорог, их технического класса, о количестве и дислокации искусственных сооружений, длину мостов и их количестве, о количестве автотракторного парка и его единовременной грузоподъемности, количестве конного и оленевого транспорта, т.е. дал полный материал о состоянии работ по золотодобыче и строительстве на Колыме. РОТШТЕЙН записал себе интересующие его данные и дал следующие установки: задерживать всячески золотодобычу, особенно на 1936-37г.г., заняться подготовкой диверсионных актов, причем обратил внимание, на необходимость взрыва мостов, с тем, чтобы в нужный момент парализовать движение автотранспорта.

По приезде в Москву я рассказал БОКИЮ о полученных мною от РОТШТЕЙНА установках. БОКИЙ сказал, что надеется на то, что я сумею все эти требования германской разведки выполнить и сорвать золотодобычу с тем, чтобы не образовывать в СССР необходимых запасов золота. Больше я ни с кем непосредственно с германской разведкой связи не имел.

Вопрос: Теперь вернемся к вашей антисоветской, предательской деятельности на Колыме.

Выше Вы показали, что Вами был завербован начальник лагеря ФИЛИПОВ и что он по Вашему заданию должен был развернуть подрывную и вредительскую работу на Колыме. Нам известно, что не только лишь этим ограничивались Ваши задания ФИЛИПОВУ.

Какие еще задания кроме этих ФИЛИПОВ получал от Вас?

Ответ: Я действительно скрыл от следствия то, что помимо заданий по вредительству, я дал задание ФИЛИПОВУ организовать пов-

станческую работу в лагерях.

Вопрос: От кого Вы в свою очередь получили это задание?

Ответ: Повстанческая работа на Колыме была организована мною по прямому заданию ЯГОДЫ.

Вопрос: Значит Вы и с ЯГОДОЙ были связаны по своей предательской работе?

Ответ: Да.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах между Вами и ЯГОДОЙ установилась связь по предательской деятельности и какие указания Вы от него получали?

Ответ: Впервые я познакомился с ЯГОДОЙ в 1929-1930г.г. ЯГОДА вызвал меня и БОКИЯ по делам Вишхимза. Это было как раз вскоре после организации "ГУЛАГ"а и все дела, связанные с лагерями и в том числе и строительство Вишхимза перешло в ГУЛАГ. ЯГОДА потребовал от меня подробного доклада о состоянии работ на Вишере, генеральный план строительства, технологический процесс и, насколько выполнены работы по строительству. Я подробно его информировал обо всем.

В конце 1930 года, во время одного из приездов в Москву, БОКИЙ мне сказал, что не мешало бы мне связаться с ЯГОДОЙ. Меня это поразило, и я стал расспрашивать БОКИЯ о ЯГОДЕ. БОКИЙ тогда же посвятил меня в то, что ЯГОДА является одним из активных участников антисоветской подпольной организации правых и что он работает в контакте с РЫКОВЫМ. Больше того, БОКИЙ мне сказал, что он сообщил ЯГОДЕ о том, что я являюсь участником антисоветской латышской организации и связан с РУДЗУТАКОМ. После этого БОКИЙ позвонил ЯГОДЕ, и мы пошли к нему в кабинет. В моем присутствии в кабинете ЯГОДЫ БОКИЙ сказал: "Ну вот, и ВЕРЗИН. Он, как я Вам уже говорил, связан с РУДЗУТАКОМ по латышским делам, но с нами работать еще согласия не дал". Я сказал ЯГОДЕ, что буду

рад работать с ним и выполнять все его поручения. ЯГОДА мне ответил, что сейчас идет формирование правых, что образован центр правых, в который входит, в частности, РЫКОВ. Других членов центра ЯГОДА мне не назвал. ЯГОДА подчеркнул, что правые работают в контакте с РУДЗУТАКОМ и предложил мне стать участником антисоветской организации правых. В этом же разговоре ЯГОДА в резкой форме критиковал политику партии и правительства. В этом разговоре я дал ЯГОДЕ свое согласие активно участвовать в антисоветской организации правых. Я спросил ЯГОДУ, что он на меня возлагает, ЯГОДА тут же дал мне установку во что бы то ни стало задерживать строительство Вишерского комбината, особенно целлюлозного и хлорного заводов, что он со своей стороны тоже примет меры, чтобы сорвать постановку рабочей силы и финансирование.

В соответствии с указаниями ЯГОДЫ я принял меры к задержке строительства целлюлозного и хлорного заводов и в сроки не закончил строительство.

Вопрос: И что поставка рабочей силы действительно была сорвана ЯГОДОЙ?

Ответ: Да, я рабочей силы не только не получал, но по поручению ЯГОДЫ часть рабочей силы вынужден был перебросить на строительство Березниковского химического комбината.

Вопрос: А с финансированием как обстояло?

Ответ: Финансирование тоже было сорвано. Все это вместе взятое тормозило строительство и создавало неминуемые трудности, что и привело к задержке пуска комбината на целый квартал. Я должен сказать не для того, чтобы облегчить тяжести своих преступлений, что связь с ЯГОДОЙ меня очень тяготила: он был очень груб и не сдержан. Однажды он даже меня побил.

Вопрос: То-есть как побил, физически?

Ответ: Да, физически. Это было в 1931 г. у него в кабинете при моем разговоре с ним о работе на Дальстрое. Ему кто-то донес, вероятно БУЛАНОВ, что я о нем плохо отзывался, что действительно имело место. ЯГОДА был страшно раздражен, кричал на меня, и когда я попытался оправдаться, он встал из-за стола, подошел ко мне и стал бить меня по лицу.

Вопрос: Как Вы реагировали?

Ответ: Я должен был стерпеть: я был у него в руках.

Вопрос: Теперь изложите, какие поручения по антисоветской работе Вам дал ЯГОДА при вашем назначении на Дальстрой?

Ответ: Основную директиву по вредительству и развороту а/с работы я получил от него в 1935 году. Я тогда был в Москве и приходил к ЯГОДЕ, - я получил от него следующую установку: задерживать золотодобычу, не заниматься разработкой олова и создать на Колыме диверсионную организацию, которая могла бы заниматься совершением диверсионных актов, когда это будет нужно. ЯГОДА также говорил о необходимости разложения лагеря и вообще построить работу на всех звеньях так, чтобы сорвать золотодобычу. Далее, ЯГОДА говорил о необходимости ставить на тяжелые работы осужденных по бытовым статьям и на более привилегированные работы осужденных за контрреволюционную деятельность, причем ЯГОДА указал на необходимость тем самым приблизить к себе заключенных по контрреволюционным статьям и черпать из них кадры для создания на Колыме мощной антисоветской организации. Я спросил ЯГОДУ, в какую же организацию мне вербовать диверсионные группы, ибо я, как участник латышской националистической организации, не смогу вербовать в нее не/латышских граждан. ЯГОДА ответил, что я должен вербовать в организацию правых, что задачи правых и латышских националистов одни и те же и что в этом отношении он с РУДЗУТАКОМ установил полный контакт.

В этот же приезд, когда я был у ЯГОДЫ, он спросил меня, что я делаю по поручению РУДЗУТАКА и БОКИЯ. Я ему сообщил, что снабжаю их шпионскими материалами и посвятил его в то, что по заданию РУДЗУТАКА мною в 1931 году была организована террористическая группа, ставящая целью убийство МОЛОТОВА, КАГАНОВИЧА и ВОРОШИЛОВА и что мною для этой цели переданы на связь РУДЗУТАКУ завербованные мною МИРАМ, КЛЕПШЕР и ОЗОЛИН. ЯГОДА сказал, что РУДЗУТАК, по всей вероятности, не сумел воодушевить этих людей, ведь ими не совершено ни одного террористического акта, но дело это хорошее и что сам он с РУДЗУТАКОМ переговорит на эту тему. Когда мы говорили с ЯГОДОЙ о терроре, он сказал, что нужно действовать очень осторожно, так как убийство КИРОВА навлекло подозрения на чекистов.

Вопрос: Вам ЯГОДА назвал кого-либо из своих сообщников по предательской деятельности из центрального аппарата ОГПУ-НКВД?

Ответ: Да, ЯГОДА называл в качестве своих единомышленников из Центрального аппарата: ПРОКОФЬЕВА, МИРОНОВА, БУДАНОВА.

После убийства КИРОВА в 1935 году, я был в Москве у ЯГОДЫ. ЯГОДА предложил мне взять на Колыму осужденных по делу убийства КИРОВА - МЕДВЕДЯ, ЗАПОРОЖЦА, БОМИНА, ЯНИШЕВСКОГО, МАСЕВИЧА, ГОРИНА-ЛУНДИНА, ГУБИНА, ПЕТРОВА и КАТОМИНА. ЯГОДА предложил мне обеспечить всем им благоприятные условия для работы и тут же при мне вызвал арестованных и сказал, что вот они эти люди, которых я должен устроить на Колыме на руководящие посты. ЯГОДА вызвал при мне БУДАНОВА и предложил ему обеспечить для поездки МЕДВЕДЯ, ЗАПОРОЖЦА и др. на Колыму, хорошо оборудованный вагон и снабдить их продовольствием. Должен сказать, что об участии МЕДВЕДЯ и ЗАПОРОЖЦА в организации правых я узнал от ЯГОДЫ, когда он их направлял ко мне на Колыму. ЯГОДА тогда же предложил мне широко использовать их для организации антисоветской работы

на "Дальстрое".

Из этой группы лиц, приехавших на Колыму, я особо близко сошелся с МЕДВЕДЕМ и ЗАПОРОЖЦЕМ. Оба они приняли активное участие в создании антисоветской организации правых.

Вопрос: В чем конкретно выразилось их участие в работе а/с организации правых?

Ответ: Прежде всего я хочу рассказать о том, что когда осенью 1936 года я получил извещение из Петропавловска на Камчатке, что в Ногаево выезжает комкор ФРИНОВСКИЙ, мы договорились с ЗАПОРОЖЦЕМ убить его. ЗАПОРОЖЕЦ почему-то питал особую вражду к ФРИНОВСКОМУ. ЗАПОРОЖЕЦ разработал план убийства ФРИНОВСКОГО при его переправе через паром под видом несчастного случая. Мне пришлось выехать в Северное Горное управление и организация террористического акта была возложена на ЗАПОРОЖЦА. После мне ЗАПОРОЖЕЦ сказал, что осуществить убийство комкора ФРИНОВСКОГО ему не удалось лишь по той причине, что он не успел подготовить нужных людей. МЕДВЕДЬ и ЗАПОРОЖЕЦ вообще часто высказывали свои террористические настроения и злобу против руководителей ЦК ВКП/б/. Еще до этого, в 1935 году, сразу же после приезда МЕДВЕДЯ и ЗАПОРОЖЦА, мы договорились с ними, что на Колыме нужно развернуть вредительскую работу. Я посвятил их в то, что мною создана уже на Колыме антисоветская организация правых и предложил МЕДВЕДУ, чтобы он через свою компанию осужденных чекистов стал проводить подрывную работу и привлечь необходимых людей. Я обещал при этом МЕДВЕДУ и ЗАПОРОЖЦУ полную поддержку.

МЕДВЕДЬ, будучи назначен по его просьбе руководителем Южно-Горного управления, развернул подрывную работу на имеющихся в его распоряжении двух приисках, срывал их снабжение продовольствием и рабочей силой, что привело прииски Южно-Горного управления в тяжелое состояние.

Вопрос: Выше Вы показали, что помимо диверсионно-вредительской деятельности, ваша антисоветская организация подготавливала совершение восстания на Колыме и что директива об организации повстанческой деятельности исходила от ЯГОДА.

Расскажите, что Вам по этому поводу говорил ЯГОДА?

Ответ: Я уже показал, что в 1935 году, когда я был у ЯГОДА, он дал мне развернутые указания о развороте подрывной работы на Колыме.

Тогда же он особенно заострял мое внимание на необходимости сорвать добычу олова. ЯГОДА сказал, что недостаток олова во время войны должен будет создать трудности в выпуске моторов, машин и других предметов для вооружения РККА.

Далее, ЯГОДА предложил мне развернуть на Колыме повстанческую работу с тем, чтобы во время войны с Японией создать благоприятные условия для захвата Колымы интервентами.

Вопрос: Изложите конкретно, что вашей антисоветской бандой было предпринято в этом направлении?

Ответ: Когда я возвратился на Колыму, я поделился с ФИЛИПОВЫМ о тех указаниях, которые мною были получены от ЯГОДА и вскоре мы стали практически осуществлять эти задания.

По моему предложению ФИЛИПОВЫМ были завербованы: ЕГОРОВ, а последним КАВИЙСКИЙ - начальник охраны, МЕРЗЛИКИН - из военизированной охраны. На МЕРЗЛИКИНА было возложено развернуть вербовочную работу среди военизированной охраны. Мы намечали организовать восстание в первую очередь в отдаленном северном управлении, где добывается основная масса золота - 90% плана.

Во время восстания предполагалось в этот район вывести оперативный состав и большую часть охраны. Этим путем мы рассчитывали ослабить охрану Магадана для совершения переворота и создать благоприятные условия для захвата Колымы Японией во

время войны.

Вопрос: Лишь только подготовкой восстания и переворота на Колыме ограничивались ваши с ЯГОДОЙ услуги Японии?

Ответ: Я должен также сознаться, что, когда я уезжал обратно в Колыму в 1935 году, ЯГОДА, давая мне задание об осуществлении повстанческой работы на Колыме, предложил мне связаться с японской разведкой.

ЯГОДА сказал, что "Япония должна быть в курсе дел Колымы" и что наша повстанческая деятельность будет наиболее успешной, если будет поддержана со стороны Японии. Тогда же ЯГОДА, инструктируя меня как связаться с японской разведкой, поручил действовать следующим образом: привлечь для шпионажа ФИЛИПОВА и совместно с ним завербовать вполне надежного человека, которого командировать во Владивосток для установления связи с японской разведкой. Нашему человеку подлежит позвонить в консульство и спросить ПЕТРОВА.

Установив ПЕТРОВА, сказать: "по рыбному делу", наш агент должен себя назвать по фамилии "Марков" из "рыбного надзора".

Вопрос: Зачем Вам потребовалось вводить в эту шпионскую связь ФИЛИПОВА и кого-то вербовать, когда Вы сам старый шпион?

Ответ: Дело в том, что для установления связи с японской разведкой необходимо было выехать во Владивосток. Мой или ФИЛИПОВА выезд во Владивосток был бы замечен. Поэтому я и обусловил с ЯГОДОЙ, что нами будет завербован специально человек.

Вопрос: Какие материалы Вам поручил ЯГОДА передавать в японскую разведку?

Ответ: ЯГОДА предложил передавать материалы о проводимой повстанческой работе и удовлетворить все требования японской разведки об обслуживании ее информацией о Колыме.

Вопрос: Вы завербовали такого человека, для связи с японской разведкой?

Ответ: Да, мною и ФИЛИПОВЫМ был завербован ШКОЛЬНИК, работавший в Управлении "Дальстроя" - близкий человек ФИЛИПОВА.

Вопрос: Дальше что было?

Ответ: Летом 1936 года ШКОЛЬНИК связался с японской разведкой во Владивостоке, действуя по моим и ФИЛИПОВЫМ указаниям.

Вопрос: Что требовала от Вас японская разведка?

Ответ: По заданию японской разведки мною были собраны и переданы через ШКОЛЬНИКА в японскую разведку материалы, содержащие данные о численности лагеря, составе заключенных, по каким статьям содержатся заключенные, дислокация лагеря и наши соображения о повстанческой деятельности, т.е. в каких пунктах наиболее целесообразно поднимать восстания.

Передача сведений в японскую разведку наладилась. Мы систематически направляли ШКОЛЬНИКА во Владивосток под всякими предлогами и он передавал требуемые японской разведкой сведения.

Когда ШКОЛЬНИК возвращался в Магадан, я лично спрашивал его об успехах поездок во Владивосток. ШКОЛЬНИК информировал меня, что "Петров" - это кореец, ответственный сотрудник японского консульства во Владивостоке и что материалы по его отзывам вполне удовлетворяют разведку.

Вопрос: ШКОЛЬНИК Вам говорил, где происходили его встречи с "Петровым"?

Ответ: Да, он говорил, что они встречались в какой-то китайской харчевне близ Семеновского базара, предварительно обуславливая день и час, когда их встреча будет происходить.

Вопрос: Какие еще шпионские сведения Вы передали японцам?

Ответ: В конце 1936 года, когда ШКОЛЬНИК в очередной раз ездил во Владивосток, я передал через него японской разведке материалы о золотодобыче, направлении дорожной сети, направлении те-

леграфной связи и сообщением, что нами намечено организовать восстание в Северно-Горном Управлении, в районе которого наиболее богатые залежи золота.

Кроме того, я передал подробный материал о перспективах развития Колымы.

Возвратившись, ШКОЛЬНИК мне сообщил, что представитель японской разведки "Петров" выразил свое удовлетворение и одобрил план организации восстания именно в Северно-Горном районе, золотодобыча которого составляла 90% всего плана Колымы.

Вопрос: В последующем связь с японской разведкой продолжалась?

Ответ: В 1937 г., когда ЯГОДА был отстранен от должности НКВД я порвал связь с японской разведкой и должен прямо сказать, что деятельность нашей антисоветской организации пошла по линии затухания.

Последовавшие вслед за этим аресты его ближайших работников, о которых я знал как об участниках антисоветской организации правых и особенно, когда мне стало известно об аресте РУДЗУТАКА, я понял, что очередь дойдет до меня, и я решил для себя по приезду в Москву при первой же встрече с ЕЖОВЫМ у него на приеме убить его. Мне не удалось выполнить этот террористический акт лишь потому, что я был арестован по дороге в Москву.

Записано с моих слов верно и мною прочитано.

БЕРЗИН.

ДОПРОСИЛИ: ПОМ НАЧ 3 ОТДЕЛА ГУТБ НКВД-
МАЙОР ГОСУД БЕЗОПАСН

ИЛЬИЦКИЙ.

ЗАМ НАЧ 13 ОТД 3 ОТДЕЛА-
СТ ЛЕЙТЕНАНТ ГОС БЕЗ

ШНЕЙДЕРМАН.

В е р н о :

СЕКРЕТАРЬ 3 ОТДЕЛА ГУТБ-
ЛЕЙТЕНАНТ ГОС БЕЗОПАСН

(ПОЛЯКОВ)